

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ВИРУС

Сергей Викторович Антонов родился в 1973 году в Свердловске (ныне Екатеринбург). Служил в рядах Советской армии. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета, работал журналистом на ТВ и в прессе. Член Российского Союза журналистов. В 2003 году эмигрировал из России, живёт в г. Крайстчёрч (Новая Зеландия). Главный редактор литературно-художественного журнала «Южный остров».

— Так что же получается, — Вячеслав в растерянности развёл руками, — вирус не угроза для человечества, а благо?

— Вот именно, — Ключков поднял указательный палец вверх, словно погрозил там кому-то наверху, и резко откинулся в затёртом до белизны коричневом кожаном кресле, — природное благо.

— Что же тут благодатного, Сергей Владимирович, — спросил Слава и, усевшись на стул задом наперёд, облокотился на его высокую резную спинку, — когда люди пачками мрут? Настоящая чума двадцать первого века.

Маленький кабинетик с высоким потолком на два письменных стола впритирку — уютный закуток позапрошлого века — освещался лишь большой, занимавшей треть стола бронзовой лампой под широким и плоским бежевым абажуром. Но света вполне хватало, чтобы загнать вечернюю тьму в самые углы комнаты.

— А вот не надо к этому так пафосно относиться, посмотрите на это явление с другой стороны, ведь человечество получает несравненно больше, чем теряет, — Клочков заговорщицки подмигнул Славе. — Кого человечество лишается? Больных, слабых, старых.

— Людей, Сергей Владимирович, людей. И не таких уж и старых: группа риска начинается с сорока. Да и шестьдесят лет сейчас — это даже и не пенсионер ещё, так, поздняя зрелость.

— Скажите, Вячеслав, а в чьих руках сосредоточены все земные блага: власть — деньги — власть-штрих? Это же невообразимо: те, кому сейчас шестьдесят, проживут ещё лет тридцать, а за эти годы подрастёт целая армия «шестьдесятников» — втрое больше.

— Да, — неохотно согласился Слава, взглянув на старый шкаф, под завязку набитый разнокалиберными пыльными и старыми книгами, — население стремительно стареет. И средний срок жизни ежегодно увеличивается примерно на год.

— Вот-вот, видите, — одобрительно улыбнулся Клочков, перехватив его взгляд на книжные полки, — а что делает природа, если размер популяции выходит из-под контроля, когда привычная среда обитания не может вместить всех? Стремительно сокращает! Неожиданная неизлечимая болезнь и... выживает сильнейший: молодой-здоровый-выносливый.

Эволюция. Чем человек лучше каких-нибудь, скажем, хорьков? Такое же животное со своими жизненными приоритетами и собственной иллюзорной цивилизацией.

— Ну, всё-таки как можно ставить в один ряд человеческую цивилизацию и, извините, хорьков — класс млекопитающих, отряд, — Слава задумчиво почесал лоб, вспоминая, — кажется, хищники?

— А что вас, Вячеслав, смущает? — притворно усмехнулся Сергей Владимирович. — Чем вам человеческая раса кажется выше хорьковой? По классификации человек в отряде приматов, а по сути — чем не хищник? Он венец творения только в собственных глазах, да хорьки, скорее всего, такого же мнения о собственной цивилизации. У них своя организация общества и свои законы.

— Конечно, в глазах матушки-Земли все виды равны. То есть вы считаете, что природа умышленно пытается ослабить человеческую нагрузку на почву?

— Убеждён, что это саморегулирующийся процесс, ведь закон подходит для всех популяций организмов. Человек возомнил себя сверхсуществом, а чумка на него нападает, как на хорька. Посмотрите на животный мир: десятки болезней возникают ниоткуда ежегодно. Какие-то проходят слабо и почти незаметно, а от каких-то вымирает треть популяции.

— Вот вы не верите в искусственное происхождение этого

вируса, — с улыбкой заметил Слава, умышленно сталкивая разговор с неприятной темой; он прямо физически ощутил отвращение, невольно представив людей отворотительными облезлыми грызунами, прячущимися в сырых грязных норах, — а это очень популярная сейчас версия, особенно в странах с диктатурой.

— Чушь полная! — возмутился Ключков и почему-то сжал кулаки. — Кому это к чёрту нужно? Кроме молодёжи, никто выгоды не получит, а кому принадлежат эти фонды, финансирующие вирусологические институты? Не двадцати- и не тридцатилетним, а зачем «старичкам» самим себе яму копать, да ещё и за такие бешеные деньги? Вот если бы объявилась какая-нибудь экстремистская группа, например, «трест Красных дьяволят имени Ильи Мечникова» — тогда можно было бы принять во внимание и эту версию.

— Вирусные террористы, — засмеялся Слава. — Господи, Сергей Владимирович, это уже из теории заговоров.

— Звучит дико, — с готовностью согласился Ключков и, всё больше распаляясь с каждым словом, продолжил, — но вы только представьте, Вячеслав, это же революция. Без восстаний, сражений, казней, можно сказать, почти без крови. Но не об этом ли мечтали большевики, не к ночи будь помянуты, да и остальные

мятежные романтики? Разом во всём мире исчезнут старые, больные и слабые, освободятся ресурсы. Это ведь возможность перекроить мир, например, наконец-то расправиться с религией, с этим мракобесием, которое тащит мировую цивилизацию за хвост обратно в Средневековье.

— Расправятся не только с религией, — помрачнел Слава, снова повернув лицо к старым книгам — неопрятным старичкам, беспомощно, как ему показалось, вззирающим на него со всех сторон, — но и с культурой. Всё, что накоплено за века, в один день обернётся анахронизмом. Ведь пропадут хранители культуры, некому будет передать их знания молодым.

— Вы правы, конечно, — Ключков раздражённо отмахнулся, — ну и чёрт с ними, с этими старыми культурными традициями, со старой моралью, которые только тормозят прогресс.

— Как это? — начал злиться Слава. — Всё культурное наследие к чёрту?

— Ну, ну, не переоценивайте ситуацию. Она же не пропадёт, эта несчастная культура, религия, мораль; просто её будут воспринимать как нечто музейное. Сейчас, например, наскальные рисунки — лишь памятники времени и больше ничего. Так и выжившее поколение будет относиться к нынешним святыням.

— А образование?

— Обязательно изменится и, уверяю вас, до полной неузнаваемости. Образование — это очень традиционный институт, всегда значительно отстающий от прогресса, и сейчас многие понимают, что учат не так и не тому. Но как надо, никто пока не знает. Это долгий процесс: образовательные системы очень инертны и неповоротливы.

— А тут раз, — рубанул воздух ладонью Слава, — и ни одного профессора.

— Через двадцать лет новые появятся, — раздражённо отмахнулся Клочков, — только они будут совсем другими, молодыми, современными. Без всякого бесполезного багажа реликтовых знаний за спиной. Так что зря вы кандидатскую затеяли: защита вряд ли состоится.

— Ужас какой, — выдохнул Слава, — мир на двадцать лет погрузится в хаос.

— Обязательно погрузится, — закивал Клочков, — любая революция — это воссоздание государственной машины на новый лад. Может, в этой новой версии она объединит весь мир. Молодёжь чиста, она не знает ни национальных, ни религиозных и культурных вековых конфликтов. А рассказать будет некому, да молодёжи это и неинтересно. И мораль изменится: институт семьи, права полов и детей. Это будет огромный скачок вперёд для всего человечества.

— Или огромный пинок, — возразил Слава, — всё равно людей жалко. И не только родных. Вот вам, Сергей Владимирович, уже больше шестидесяти.

— Шестидесят семь, — Клочков внезапно устал от всего этого разговора, осознав его пустячность и даже ненужность, — самая высокая группа риска. Я всё понимаю и с удовольствием бы самоизолировался на какой-нибудь тропический остров, чтобы прожить там ещё лет хотя бы пятнадцать. Но... так как это невозможно, придётся принести эту жертву ради будущего человечества.

— А если просто пересидеть, ведь режим карантина остановит распространение. Коллективный иммунитет.

— Притормозит на время, но пока все не переболеют, вирус не остановится. Он будет возвращаться и возвращаться, вскоре доберётся до всех и проверит каждого из нас на пригодность к будущему. Надо просто перестать паниковать и идти на плаху с гордо поднятой головой: помилования не будет.

— И что же, Сергей Владимирович, — пробурчал Слава, — вы так спокойно об этом говорите? Неужели нет смысла, да и желания бороться за жизнь? А как же инстинкт самосохранения?

— Стадия принятия, — Клочков лишь рассеянно пожал плечами, — в сущности, для конкретного индивида, не так важно, чуть

раньше или позже, но для человечества — это огромная услуга.

— Что-то мне подсказывает, что немногие согласятся оказать такую услугу, — сказал Слава и неожиданно засобиравшись. — Вы простите, Сергей Владимирович, мне нужно маму проведать, я ей уже час не могу дозвониться.

— Конечно, не смею задерживать, — Клочков привстал и протянул Славе руку. Тот вяло её пожал и заспешил к выходу. Плотнo прикрыл тяжёлую, в коричневом дерматине дверь, зашаркал вниз по лестнице, наматывая бесконечный шарф на худую шею.

«Вот что он несёт, — возмутился на ходу, — какая ещё добровольная жертва, камикадзе хренов. Посмотрел бы я, как он запоёт, если действительно заболел».

Оставшись один, Клочков откинулся в кресле и покачал головой из стороны в сторону, разминая затёкшую шею; затылок сегодня ощутило побаливал. «Какой Слава всё-таки недалёкий человек, — подумал он с раздражением, — им, молодым, открывается такая перспектива, такие возможности. Да я бы сам на его месте этот вирус распылял. Какая может быть жалость ко вчерашнему дню, когда наступает прекраснейшее завтра. Это сейчас молодые такие все тонкокожие, толерантные, сплошное разочарование. Хорошо, что я так и не нажил никого — не нужны им

на самом деле ни наши фотоальбомы, ни сервисы, ни воспоминания».

Тут Клочков представил свою возможную дочь: высокая темноволосая девушка в белых мини-шортах стояла к нему полуоборотом, светлая полоска незагорелой кожи перечёркивала смуглую спину, а переплетённые руки небрежно прикрывали грудь. «Стоп-стоп, — всполошился Клочков, — нет, это не то». Эта больше похожа на Кузнецову с третьего курса, впорхнувшую к нему прошлой осенью на передачу биофизики. И смотрела тогда так надменно и даже дерзко, как принцесса на престарелого слугу, впрочем, честно отработала свою пятёрку, и он даже плюс ей поставил в зачётку за... профессионализм. Нет, его дочь была бы совсем другой. Такой красивой ей быть не обязательно, красивым девушкам непросто приходится в жизни, особенно молодым, особенно гордым. Нет, она была бы просто симпатичной и милой... Воображение нарисовало ему светловолосую, скромно одетую девушку в очках, сидящую за соседним столом и внимательно читающую какую-то толстенную книгу, впрочем, он сразу догадался, что это второй том иммунологии. «Была бы кандидатом к тридцати, доктором к сорока, — размышлялся Клочков, — жили бы вместе в нашей трёшке на Тургенева. Профессорский дом

— столько замечательных женихов из хороших семей». Но тут он вспомнил о Славе, и нарисованная воображением картинка несколько побледнела: «А вдруг встретила бы такого же, — профессор внезапно рассердился, — подтрунивали бы надо мной на пару. Был бы для них интеллектуальной обузой, проще говоря, старым дураком. Не спорили бы, не возражали, помалкивали бы, посмеиваясь. Да и вообще, может быть...» Тут воображаемая девушка за соседним столом подняла голову и голосом соседской дочери, ПТУшницы Лизы, безобразно растягивая окончания слов, проговорила: «Ну, чо-о-о, идём домо-ой или нет?! Беспонтов-о-о тут высиживать». Клочков понял, что книжку она не читала, а наводила макияж Александру Флемингу, чёрно-белый портрет которого в ужасе смотрел на неё с книжной страницы. Профессора бросило в холодный пот. «Господи, — взмолился он, — лучше уж никакую не надо, чем эта. Нет, всё же хорошо, что детей не нажил, и ни одного фотоальбома, ни сервиза. Вот куда бы сейчас со всем этим барахлом?»

Всё, что он нажил за свою жизнь, было здесь: звания, должности, награды, коллекция научных книг. Ничего его не держало снаружи этого кабинета: дома, в просторной трёхкомнатной, ещё родительской сталинке было скучно, а дачи, машины, жены

и собаки не завёл, какого-то значительного хобби у него за всю жизнь так и не образовалось. Ему даже показалось, так можно обмануть судьбу: «Не зря говорят: кому нечего терять — тот неуязвим. Всё самое настоящее, — он с самодовольным видом оглянулся вокруг, — всё то, что никто не сможет отнять и никому после не достанется, у меня внутри». Тщательно разложил все мелочи на столе по своим местам: скрепки весёлой разноцветной горкой вышались в медном, до блеска начищенном блюдечке — бывшей пепельнице. Рядом степлер, словно маленький дракончик, сверкал своей приоткрытой металлической пастью. В небольшом, в пару к медной пепельнице, стаканчике цветные карандаши, четыре вместе — строго вертикально, а один — красный — под углом вправо. Клочков медленно провёл ладонью по дубовой столешнице. Он помнил на ней каждое пятнышко, каждый завиток, каждый бугорок — карта его личного, никем более не обитаемого острова, на котором прошла вся его жизнь.

«А что будет с ним? Выкинут!» — он внезапно вздрогнул, представив свой стол на институтской помойке, в дальнем углу пустынного двора. Приоткрытая дверца сломанной тумбочки, перекошенные ящики, на мокрой, потемневшей от сырости столешнице — сугроб подтаявшего снега. «Ничего им не нужно, не знают

и не ценят ничего», — его вдруг захлестнула такая жалость ко всему в этом кабинете, он явственно увидел его пустым, до неприличия голым: выдранные с мясом ещё «дореформенные» телефонные розетки, на стенах силуэты вынесенных шкафов и кучки бумажного мусора вдоль исцарапанных плитусов. «Пустота. Пустота. Пустота», — повторял он одними губами, неожиданно ощутив внутри такую пропасть, которую не заполнить ни званиями, ни премиями, ни должностями. Она ширилась, втягивая его в свою бездонную темноту всё больше; острый холодок тонкой змейкой пополз по позвоночнику к затылку, вдруг вспыхнувшему многоцветным

фонтаном боли. Клочков ухватился обеими руками за край стола, навалился на него, прижавшись щекой к тёплой поверхности, и беззвучно заплакал.

Если бы у него были силы, если бы у него ещё оставались силы, он бросился бы на пол в сумасшедшей истерике, катался бы по полу, бился бы о потрепанный линолеум, чтоб хоть как-то погасить захватившую его душу животную панику. «Господи, — взмолился Клочков, — за что это всё мне? Господи, ведь я не сделал ничего по-настоящему ужасного в своей жизни, отведи от меня эту беду, дай пожить ещё хотя бы год-два, пять лет. Господи, ну хоть рак заведи...»